
Г. П. СНЕСАРЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ СОХРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-БЫТОВЫХ ПЕРЕЖИТКОВ У УЗБЕКОВ ХОРЕЗМА

(По полевым материалам 1954 — 1956 гг. Узбекского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции)

Вопрос о религиозном мировоззрении во всех его разнообразных проявлениях приобретает все большую остроту по мере приближения советского общества к следующему этапу своего развития. Существующая еще недооценка пережитков религиозных воззрений, недостаток своевременных и действенных мер для их преодоления значительно тормозят дело коммунистического воспитания.

Оспаривать наличие этих пережитков и степень их отрицательного влияния на некоторую часть населения нашей страны могут только те, кто стоит в стороне от жизни, не сталкивается с окружающей действительностью. И тем не менее в данном вопросе еще многое не вскрыто.

Вследствие того, что за последние годы внимание к преодолению религиозных пережитков было ослаблено и изучение конкретного материала почти не велось, возникло основанное на чисто теоретических построениях мнение, что эти пережитки лишились в наши дни своего прежнего значения, не имеют глубоких корней в сознании человека и выродились в привычку, быстро, стихийно отмирающую. Эта, довольно широко распространенная тенденция преуменьшать значение религиозных пережитков, дезориентируя общественное мнение, вносит самоуспокоенность и тормозит окончательную перестройку сознания советских людей.

В действительности дело обстоит значительно сложнее, чем это кажется на первый взгляд.

Явления, связанные с религиозной идеологией, многообразны, и к ним нельзя подходить с единой меркой. Если одни из них находятся на стадии отмирания, то другие еще живут, а некоторые только оформляются. В качестве примера можно привести то религиозное течение, которое на наших глазах возникает в бывших районах распространения ислама, — течение, пытающееся приспособить религию к современным условиям, идущее на всякие компромиссы и вносящее коррективы в мусульманскую догматику. Аналогичная картина наблюдается в православии, иудаизме и других религиях. Этот очень актуальный вопрос еще ждет своего исследователя.

Значимость религиозных пережитков в наши дни различна у разных народов Советского Союза. В условиях Средней Азии первая же попытка ближе подойти к явлениям религиозной жизни, специально, а не попутно (как это, к сожалению, принято сейчас в этнографической практике) ими заняться, дает обильную фактами и пеструю картину бытования пережитков, исключаящую рассуждения о том, что их уже можно отнести к области истории.

Поражает то, что целые комплексы пережитков, иногда самых примитивных, бытуют без должных попыток со стороны общественности вмешаться и какими-нибудь способами — прежде всего средствами культурно-воспитательной работы — парализовать влияние старых традиций. Об-

яснить это можно только тем, что наша общественность часто не знает действительного положения вещей, не знает, в какой мере религиозные пережитки еще сохранились среди населения, и, не замечая их за подлинно грандиозными успехами хозяйственного и культурного строительства, а быть может и под некоторым влиянием теории отмирания пережитков, предоставляет все самотеку.

Атеистическое воспитание в той форме, в какой оно ведется в настоящее время, посвященное почти исключительно вопросам естественно-научным, не затрагивает многих областей религиозного сознания, представленный и обрядов, оставшихся от прошлого, и тем самым в значительной степени лишается своей эффективности, оставляя широкое поле для всевозможных религиозных влияний.

Не боязнию оскорбить религиозное чувство верующего, а исключительно незнанием того, что сейчас происходит в области религиозных пережитков, можно объяснить известную узость научно-атеистической пропаганды.

Для того чтобы борьба за преодоление пережитков получила необходимое содержание и была должным образом направлена, ей необходимо создать научно-исследовательскую базу. Сделать это могут и должны этнографы, в первую очередь — исследователи современного быта.

Актуальность научных исследований в области религиозных пережитков определяется необходимостью не только раскрыть подлинную картину их бытования и выяснить их генезис, но, что самое важное, установить причины сохранения тех или иных пережитков до наших дней. Этот вопрос должен таким образом быть в центре исследований в данной области. Было бы неверным искать какую-то единую, универсальную, все объясняющую причину этих явлений. Причины могут быть различны у разных народов, в разных слоях населения, у лиц разного возраста, наконец, — в женском быту.

Не касаясь причин общего порядка — диалектически объяснимого отставания сознания от развития производительных сил и производственных отношений, таких факторов социального порядка, как война и ее последствия, влияние капиталистического окружения, наконец, — недостатки культурно-воспитательной работы, — постараемся остановиться на некоторых специфических в условиях Средней Азии причинах, непосредственно влияющих на интересующие нас явления.

* * *

Анализ полевого этнографического материала, полученного в результате работ Узбекского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1954—56 гг., дает возможность вынести на обсуждение некоторые выводы о причинах сохранения религиозных пережитков у узбеков Хорезмской области УзССР и соседних районов Кара-Калпакии и Туркмении.

Говоря о религиозных пережитках, наблюдающихся в Узбекистане, следует прежде всего отметить, что здесь мы имеем дело не только с ортодоксальным исламом, и, мы бы сказали, преимущественно не с ним, а с той своеобразной синкретической религией, которая возникла некогда в результате смешения ислама с чрезвычайно пестрым комплексом доисламских верований, разнородных по своему генезису. Мусульманство наслонилось здесь на глубокую толщу древних религиозных представлений, восприняло многое из господствовавшего ранее маздеизма и приобрело некоторые специфические черты, отличающие его от ислама, исповедуемого другими народами. Ряд пережитков доисламских верований, так и не слившись с мусульманством, продолжал существовать параллельно ему.

На протяжении последних десятилетий совершенно четко прослеживается процесс быстрой деградации ортодоксального ислама. Теряют былое значение религиозная догматика, кодифицированная обрядность, па-

дает популярность мечети, все меньше круг лиц, соблюдающих уразу и обряды курбан-байрама.

Это понятно. Чем сильнее было экономическое и политическое значение ислама в условиях среднеазиатских ханств, его влияние на правовые

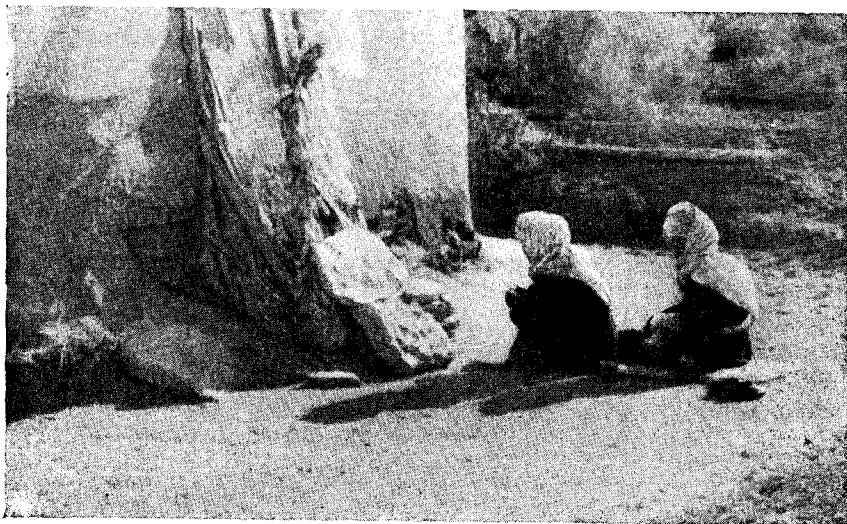

Рис. 1. Паломницы возле мазара Кара-Капы (Куля-Ургенч).
Здесь и дальше фото автора

институты и школу, тем быстрее с крушением этих основ деградирует ортодоксальный ислам в последующие десятилетия. Значительную роль сыграло то обстоятельство, что с каждым годом сокращался круг лиц, владеющих арабским языком — языком мусульманского богословия и мечети.

Иное положение создалось с многообразным комплексом религиозных представлений и действий — анимистических, магических, культа предков и природы, культа святых и их могил (в условиях Средней Азии имеющего мало общего с исламом), шаманства и пр., — который существовал наряду с исламом. Тем, что этот комплекс всегда коренился в глубинах семейного быта, одной из наиболее консервативных ячеек общества, объясняется и большее значение его в наше время. Хранителем пережитков этого рода является женщина. В этом смысле можно говорить об особой «женской религии».

Страх перед сверхъестественными силами, выступающими в образе различных духов, перед влиянием «дурного глаза» и непонятными явлениями природы создает целую серию магических по преимуществу действий, направленных на то, чтобы парализовать эти враждебные силы и обеспечить благополучие себе и близким.

Большую часть этих магических действий составляют различные приемы, которыми пытаются сохранить и увеличить свое потомство. Весь цикл обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей, а также свадебная обрядность полны этим.

Вера в особые женские божества, исламизированные в образах святых Амбар-Ана, Бии-Фотыма и других, связанные с ней жертвенные церемонии, целая система оберегов в виде амулетов и профилактических «колдовских» действий окружают роженицу и ребенка до и после родов.

Вследствие того, что часть женщин еще пользуется услугами повитух — «момо», последние играют большую роль в женском быту (рис. 2). Именно они распространяют среди более молодого поколения женщин

различные легенды и магические рецепты. На многих этапах жизни женщины момо играют большую роль, и все торжества — «тои» по поводу рождения ребенка, положения его в колыбель (бешик-той), надевания первого платья, срезания первого волоса и пр. — не обходятся без участия момо.

На этих тоях наряду с магическими действиями, применением различных оберегов, окуриванием, привлечением старых и многодетных женщин к участию в обрядах, совершаются и чисто мусульманские ритуальные церемонии: чтение молитв, благословение родителей и ребенка специально приглашенными муллами, официальными и неофициальными¹.

Современные свадебные обряды, особенно в сельских местностях, по своим внешним формам мало отличаются от тех, которые наблюдались лет тридцать — сорок тому назад. Хорезмский свадебный обряд сохранил следы глубокой архаики и представляет собой, особенно в отношении женщин, целый комплекс магических действий, имеющих целью охранить молодую чету от влияния враждебных, сверхъестественных сил и обеспечить ей потомство.

Начиная от сговора и кончая традиционными визитами молодой четы в дом родителей невесты после бракосочетания, все этапы свадебного обряда содержат эти элементы. Подарки, посылаемые родней жениха и невесты, одежда и украшения невесты, зажженная на свадебной арбе лампа, костры, через которые провозят невесту, сажание ребенка, согласно обычаю,

Рис. 2. Повитуха «момо». (гор. Ханки)

на колени молодым, зеркало, в которое они смотрятся, участие многодетных женщин в обрядах, первые работы молодой в доме мужа — все это имеет определенное значение и призвано магическим путем вызвать тот или иной желательный результат².

Не имея возможности дать подробное описание свадебных обрядов, остановлюсь на одном моменте, а именно на обряде самого бракосочетания — «никах». И в кишлаке, и в городе это один из важнейших моментов свадьбы. В одних местах (Хива, Кипчак) никах происходит в доме невесты, в других (Ханки) в доме жениха. Самый обряд, совершаемый муллой, довольно обычен. Но обстановка, в которой никах происходит, иногда весьма примечательна.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что никах стремятся совершить при минимальном числе свидетелей, тайно, когда все разойдется или даже через несколько дней после свадебного тоя. Допускаются только близкие люди. На дворе, около окон, на крыше, у ворот стоят своего рода пикеты из родных и знакомых.

¹ Полевые записи автора, 1955, № 190—192; 1956, № 106—110.

² Полевые записи автора, 1955, № 195—200; 1956, № 110—115.

Казалось бы, здесь мы имеем дело с обстановкой, созданной для того, чтобы сохранить в тайне от окружающих религиозный обряд, участие муллы, что в современных условиях может скомпрометировать жениха, невесту, их родителей в глазах общественности. Однако выяснение причин этого явления показало, что указанные меры предосторожности весьма далеки от подобных мотивов, а вызываются исключительно боязнью

Рис. 3. Имитация детских колыбелей «бешник»; их расставляют у мазара бездетные женщины, чтобы испросить себе у «святого» потомство (Куния-Ургенч).

враждебных магических действий со стороны лиц, которые могут проникнуть в дом во время совершения никаха. Нам описывались весьма колоритные церемонии, проводимые под руководством шаманок, к которым прибегают в тех случаях, если подобное «колдовство» совершится³.

Религиозное бракосочетание — довольно распространенное в Хорезме явление. Встречаются еще и такие отрицательные явления, как уплата калыма, выдача замуж несовершеннолетних и пр. Необходимо подчеркнуть, что излагаемые нами факты характерны главным образом для Хорезма, где религиозные пережитки в силу ряда причин значительно больше сохранились, нежели в центральном Узбекистане.

В числе пережитков, бытующих среди женщин, особо следует отметить культ святых могил, паломничество к которым совершается по самым различным поводам. Мазары, по существу, имеют мало общего с исламом. Только имя святого и связанная с ним легенда более или менее принадлежат мусульманству. Весь же ритуал, все действия на мазарах уходят своими корнями в древние верования, пронизаны анимистическими представлениями и магическими элементами, связанными с культом природы. Именно этот характер культа святых, сближающих его с той синкретической религией, которая распространена среди женщин, позволил ему сохранить свое значение в наши дни (см. рис. 1, 3—6).

Помимо крупных святилищ, таких, как Палван-Ата в Хиве, Султан-Ваис в одноименных горах, по всему Хорезму разбросаны менее известные, но все же активно посещаемые женщинами мазары (см. рис. 5).

С женским, по преимуществу, бытом связано и местное шаманство. Шаманы и шаманки («порханы» — на севере, «полбины» — на юге Хорезма) еще довольно многочисленны. Они гастролируют по всему Хо-

³ Полевые записи автора, 1955, № 201—202.

резму и иногда, как это наблюдалось в 1954 г. на мазаре Азвер-Баба в Куня-Ургенчском районе, собирают значительную аудиторию⁴.

В Хивинском и в Ханкинском районах вызов шамана или шаманки в случае болезни, семейного несчастья и т. п. — довольно частое явление. Старые опытные шаманы проводят свои сеансы по всем правилам, иногда в течение двух-трех дней; при их камланиях, разделенных на определенные этапы — «давры», помимо традиционного кружения с бубном, совершаются жертвоприношения духам, манипуляции с огнем, с отточенными мечами, на которые полбин вскакивает босыми ногами, и прочие действия.

Рис. 4. Казашки-паломницы, идущие от мавзолея Тюрабек-ханум (Куня-Ургенч)

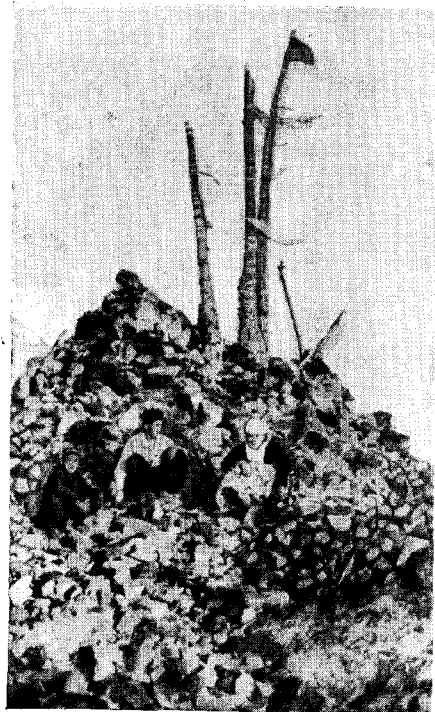

Рис. 5. Святилище Мураджат (горы Султан-Уиздаг)

На каждое камлание собирается до 15—20 женщин, судя по отзывам которых воздействие шаманов на психику присутствующих весьма значительно⁵.

Информаторы — очевидцы камлания — давали нам подробные объяснения действий шамана. Следует отметить, что каких бы сторон религиозной жизни мы ни касались во время полевых исследований, все наши информаторы не только описывали те или иные обряды, но и давали четкое разъяснение их смысла, цели каждого действия. Это в корне опровергает представление о том, что религиозные пережитки утратили свое смысловое значение.

Насколько сильны еще религиозные влияния в женской среде, можно судить по тому, что еще в 1956 г. в Ханкинском районе существовала женская ишанская община. Нам удалось посетить эту общину, руководимую женщинами, познакомиться и с ними, и с их паствой, женщинами-«супы», которые периодически собирались для совершения «джахров» —

⁴ Полевая запись автора, 1954, № 136.

⁵ Полевые записи, 1955, № 51—52, 205; 1956, № 125—126.

радений. Последние весьма близки к шаманским камланиям — обстоятельство, очень важное для выяснения генезиса местного суфизма⁶.

Упомянутые пережитки и многие другие, на которых мы сейчас не останавливаемся, коренятся в быту женщин по ряду причин. Немалое значение здесь имеют известная культурная отсталость женской части населения и недостаточность культурно-воспитательной работы в этой среде. Однако основную причину следует искать в исторически сложившейся изоляции женского быта, следы которой мы находим и посейчас,

Рис. 6. Женщины готовят ритуальное печенье «баурсак» около могилы «святого» (гор. Ханки)

в пережитках патриархально-феодальных семейных отношений и еще неизжитой собственнической идеологии мужской части населения.

Женщины, по крайней мере, в тех местах, где велись полевые исследования, слабо вовлечены в общественную жизнь, несмотря на то, что трудовые успехи их общеизвестны и на хлопковых полях они являются основной силой. На руководящую работу в колхозах женщины здесь почти не выдвигаются. Это вовсе не означает, что среди женщин и девушек нет таких, которые по личным качествам, трудовым навыкам и уровню образования могли бы быть и руководителями колхозного производства, и активистами в общественной жизни. Однако они и сами отказываются от этого и встречают в этом отношении преграды, которые ставят им представители мужской части населения: и родные — отцы, мужья, братья, и чужие. Здесь еще существует специфическое нездоровое отношение к женщине-общественнице со стороны многих мужчин, о чем неоднократно говорили нам и сами женщины, и их родные, и колхозные активисты.

Объясняется это наличием среди мужчин пережитков прежнего собственнического отношения к женщине, которое, рождаясь в семейном быту, выходит за его пределы.

На семейный быт, на темные пятна его следует обратить серьезное внимание научной, партийной, советской общественности, ибо остатки патриархально-феодальных отношений в семье и создают ту замкнутость женского быта, которая превращает его в своеобразный заповедник рели-

⁶ Полевые записи автора, 1956, № 99, 118—119. Локальным особенностям шаманства в Хорезме будет посвящено специальное исследование.

гиозных пережитков. Именно в тех семьях, где в какой-то мере сохраняется деспотическая власть главы семьи, где женщины, особенно снохи, несмотря на личные большие заработки, находятся в материальной зависимости, где еще соблюдаются старые запреты, вплоть до запрета в течение ряда лет разговаривать со своим свекром, создается почва для обособления женщин в замкнутую ячейку, трудно доступную для внешних влияний и хранящую старые религиозные традиции.

* * *

Некоторые исследователи современного быта справедливо полагают, что религиозные пережитки сохраняются в силу «общественного мнения», влияющего на отдельных лиц и отдельные семьи и заставляющего придерживаться старых религиозных традиций. Однако, констатируя это положение, этнографы не дают ответа на возникающий при этом вопрос: на чем базируется это «общественное мнение», в каких звеньях социальной организации оно зарождается? Естественно, оно не может возникнуть в производственных коллективах, сельских и городских, или в каких-либо общественных организациях.

Для разрешения этого вопроса необходимо проследить, не дошли ли до нашего времени какие-нибудь социальные институты, исторически относящиеся к прошлому, но сохраняющиеся в реликтовых формах и в таком виде еще оказывающие влияние на современный быт.

Наблюдения, проведенные в сельских местностях Хорезмской области, показали, что некоторые черты современного общественного быта должны привлечь особое внимание этнографов.

В процессе экспедиционных работ было установлено, что наряду с характерным для этих мест принципом расселения отдельными поселками «авва», которые входят в границы того или иного колхоза, население делится на определенные группы, носящие название «эллат» (община). Каждая группа имеет свое наименование и проживает в границах своих поселков, названия которых совпадают с наименованием элатов. Элат объединяет различное количество семей, в среднем от 20 до 40. Принадлежность к определенному элату еще отчетливо осознается населением; наименования элатов употребляются в обыденных разговорах, однако, что особенно характерно, они совсем исчезают, когда речь идет о производственной деятельности; в этих случаях фигурируют только наименования бригад и звеньев.

Среди элатов некоторые по традиции считаются более старыми и пользуются большим уважением. Наряду с элатами, существуют более мелкие подразделения, также имеющие особое наименование. Информаторы, особенно представители старшего поколения, четко определяют, какая из групп является элатом и какая, нося особое название — «лакаб», не имеет самостоятельного значения, примыкая к тому или иному элату⁷.

Семьи, составляющие ядро элата, считаются родственными и происшедшими от общего предка⁸. В некоторых случаях, как, например, в хивинском элате «казилар», удастся проследить родословную семей. В данном случае основателем элата считается некий Иш-Ваис-казы, живший за пять поколений («арка») до нынешнего. В предании о нем сохранилось воспоминание о большесемейных отношениях («пять сыновей Иш-Ваиса пекли хлеб в одном тандыре, мололи зерно на одной мельнице, ели из одного казана; в доме было пять ворот; от этих пяти сыновей Иш-Ваиса пошли все казилары»⁹).

Тенденция жить неразделенными семьями наблюдается в хивинских элатах и в наши дни. Большой частью сыновья отделяются только после

⁷ Полевая запись, 1955, № 25.

⁸ Полевые записи, 1954, № 35, 37; 1955, № 33; 1956, № 4.

⁹ Полевая запись, 1955, № 24.

смерти отца. При жизни он является главой семьи и распоряжается всеми доходами ее членов, работающих в колхозе. Во всяком случае сноха, живущая в неразделенной семье, в материальном отношении находится в зависимости от ее главы¹⁰.

То, что поколение, предшествовавшее современному, проживало, как правило, неразделенными семьями, подтверждают почти все информаторы пятидесяти-шестидесятилетнего возраста.

Если отделение сыновей от хозяйства отца — явление сейчас уже распространенное, то выделение из элата, переселение на территорию другого «авва» происходит крайне редко и вызывает резко отрицательное отношение со стороны элата.

Существование в наше время, хотя и в пережиточной форме, этих территориально-родственных групп вносит некоторые осложнения в общественный быт колхозов. Например, проектирование поселков нового типа наталкивается на затруднения в связи с тем, что, во-первых, элаты не желают покидать обжитые места, а, во-вторых, наличие трений между элатами и, наоборот, родственные связи между теми или иными группами осложняют организацию новых поселков.

Элат и в наши дни еще сохраняет некоторые черты замкнутой группы с особыми традициями. Любопытно, что иногда даже в соседних элатах имеются различия в обычаях и обрядах, например свадебных.

По свидетельству большинства информаторов, в дореволюционное время в элатах практиковались различные формы трудовой взаимопомощи. Сейчас взаимопомощь сохраняется лишь в очень ограниченных видах труда, но в прошлом она имела место и при полевых работах. В наши дни она наблюдается при постройке нового дома, при пошивке одежды и одеял, при подготовке тоев — празднеств по поводу свадьбы или обрезания¹¹. Эти церемонии выходят за рамки семьи и, по существу, являются праздником всего элата. Почетный гость на тое является гостем не только хозяина, но и его соседей. Иногда перед свадебным тоем старейшие люди элата определяют обязанности соседей виновника торжества, в частности, — кто из них должен принимать у себя тех или иных приезжих гостей. Соседи активно помогают в подготовке пиршества. Интересно, что в некоторых местах во время тоя, на который обычно приглашаются все колхозники, гости рассаживаются группами по своим элатам.

При анализе всех элементов, из которых складается внутренняя жизнь элата, обращает на себя внимание в первую очередь то место, которое занимает группа старейших по возрасту лиц. В дореволюционное время «ёшуллы» (как обычно именуется эта группа) вместе с аксакалом и муллой руководили всей жизнью элата — хозяйственной, правовой и религиозной. Наиболее важные дела решались на собраниях ёшуллы. Вполне понятно, что в эту группу входили и имели в ней наибольший вес представители феодально-байской прослойки кишлака.

В настоящее время функции группы старейших ограничены главным образом областью обрядов. Тем не менее, влияние ее еще сравнительно велико. В хивинских элатах совещания стариков происходят довольно часто и по самым разнообразным поводам. Вызов стариков обусловливается необходимостью получить у них благословение на то или иное предприятие, будь то свадьба, обрезание или постройка нового дома. Такой вызов, как правило, сопровождается угощением приглашенных¹².

Если в прошлом старики на своих совещаниях — «кенгаш» по поводу предстоящего свадебного тоя решали, может ли молодой человек по своему имущественному положению начать самостоятельную семейную жизнь, то сейчас в аналогичных случаях старики в первую очередь обсуждают вопрос о том, достаточное ли количество продуктов заготовлено хозяе-

¹⁰ Полевая запись, 1955, № 17.

¹¹ Полевые записи, 1955, № 7, 12, 23, 32 и др.; 1956, № 7, 8, 10, 14, 15 и др.

¹² Полевые записи, 1955, № 7, 11; 1956, № 7 и др.

вами для готовящегося пиршества, вносят свои коррективы и, если это нужно, определяют размеры необходимой помощи.

Следует отметить, что в современных элатах имеется персонаж, отделенно напоминающий прежнего аксакала. В ряде обследованных нами элатов из числа старших и авторитетных лиц избирается так называемый «ёшуллысы» (старейший из старших), которому лица, входящие в элат, беспрекословно подчиняются. Так, в одном из хивинских элатов эту роль выполнял старший брат председателя сельсовета, в другом — председатель совета урожайности.

Функции ёшуллысы заключаются в наблюдении за поведением членов элата, разборе всяческих недоразумений и пр., однако их деятельность никогда не выходит за пределы элата¹³.

Подобно тому, как в прошлом каждый элат имел своего муллу, в наше время имеются грамотные в религиозном отношении старики, знакомые с обрядами (обычно это не работающие по возрасту члены семей колхозников), которые, также именуясь муллами, руководят брачными и погребальными обрядами.

Наряду с ними каждый элат выделяет весьма интересных по своим функциям лиц, так называемых «ходым» и «пейкал», своего рода блюстителей старых традиций, распорядителей на тоях — свадебных или по поводу обрезания. Ходым (см. рис. 7) обслуживает женскую часть населения элата, пейкал — мужскую.

Рис. 7. «Ходым» в церемониальной одежде (гор. Ханки)

Институт «ходым» и «пейкал» восходит, как нам кажется, к древним родовым традициям. В средние века он удержался вследствие того, что компетенция мусульманского духовенства была ограничена кругом чисто религиозных вопросов и оно не смогло да и не было правомочно охватить весь комплекс родовых обычаев и обрядов, стойко сохранявшихся на протяжении столетий. В настоящее время ходым и пейкал назначаются старейшим элата из числа членов малосостоятельных семей, как это наблюдается в Ханкинском районе, или избираются — ходым на собрании женщин, пейкал на собрании мужчин элата¹⁴.

Архаические черты прослеживаются и в других областях жизни элата. Каждый элат имеет свое отдельное кладбище. До нашего времени пунктуально соблюдается обычай хоронить умерших только на кладбище своего элата, даже в тех случаях, когда территории двух отдельных кладбищ соприкасаются. Характерно, что женщину, находившуюся замужем в чужом элате, после смерти обязательно хоронят на кладбище элата ее отца, если только она не заслужила особого уважения в элате мужа и родня его не получает согласия на похороны ее в этом элате¹⁵.

Элаты следует рассматривать как реликтовую форму сельской общины, которая в условиях Средней Азии сохраняла в прошлом архаические черты, восходящие к древним родовым традициям.

¹³ Полевые записи, 1955, № 212; 1956, № 8.

¹⁴ Полевые записи, 1955, № 13, 200; 1956, № 16.

¹⁵ Полевые записи, 1955, № 6, 28; 1956, № 4, 10, 16 и др.

Пережитки этих традиций значительно сильнее у узбеков северного, нежели южного Хорезма; в наименованиях их элатов сохранились даже некоторые родоплеменные названия; еще более эти пережитки сказываются в аналогичных территориально-родственных (в прошлом родоплеменных) группах соседних народов: каракалпаков, туркмен, казахов.

Исследователи патриархально-феодалных отношений у народов Средней Азии, Кавказа, Сибири, подходя к вопросу ретроспективно, мало касались значения реликтов общины в наши дни, что было бы особенно важно, так как среди причин сохранения семейно-бытовых и религиозных пережитков именно реликты общины занимают, несомненно, одно из первых мест, и на них необходимо обратить особое внимание.

Суммируя все собранные материалы о хорезмских узбекских элатах в их современном состоянии, необходимо констатировать, что значение их, несмотря на сугубо пережиточный характер, серьезнее, чем это может показаться на первый взгляд. Элат с его замкнутостью, с особым внутренним укладом, построенным на старых традициях, с влиянием группы стариков является той ячейкой, в которой консервируются пережитки прошлого, будь то область религии или семейных отношений, той отградой, которая препятствует проникновению в отдельные семьи, связанные «общественным мнением» элата, новых взглядов на жизнь и новых норм поведения. В элатах имеются благоприятные условия для сохранения анимистических пережитков, магии, культа предков и святых, именно в них поддерживается традиционная свадебная и погребальная обрядность; они сковывают общественно-политическую активность женщин и содействуют сохранению остатков собственнической идеологии мужчин.

* * *

Полевые исследования, проведенные в другой социальной среде — среди работников городских кустарно-промысловых объединений (кузнецов, медников, гончаров, деревообделочников, сапожников, парикмахеров и т. п.), показали, что и здесь, как и у сельского населения, сохранились многие религиозные пережитки. Не касаясь тех из них, которые общи всем группам населения Хорезма, обратим внимание на специфические для данной среды верования и обряды, на пережитки старой профессиональной обрядности, характерной для дореволюционных ремесленных цехов.

Казалось бы, что здесь речь должна идти о явлениях, давно ушедших в область истории вместе с исчезнувшей цеховой организацией ремесла. Действительность разубеждает нас в этом.

Мы не встретили ремесленных профессий, среди представителей которых не сохранились бы некоторые элементы старых обрядов посвящения в мастера. Церемонии эти, с незначительными вариантами, схожи у всех ремесленников. По окончании срока ученичества претендент на звание мастера (или его родители) созывает мастеров данной специальности, устраивает угощение, преподносит своему мастеру-учителю «усто» традиционные подарки и получает от него благословение и право считаться мастером. На этих собраниях обычно присутствуют мулла и, кроме мастеров, старейшие жители данного городского квартала.

В большинстве случаев посвящаемый, по обычаю, получает от своего усто какой-нибудь предмет из числа орудий производства, который имеет не практическое, а, скорее, символическое значение. Любопытно, что ханкинские ученики-деревообделочники, жалующься на дефицитность их инструментария, с завистью рассказывали, что у кузнецов, инструментарий которых менее сложен, посвящаемому дарят сейчас почти полный набор орудий производства¹⁶.

Конечно, многие детали обрядов посвящения уже не сохранились, но основной порядок ритуала соблюдается.

¹⁶ Полевая запись, 1956, № 26.

Характерно, что не только старики, но и молодежь безошибочно называют имя «пира» — легендарного патрона своей профессии. Последнего вспоминают не только при обрядах посвящения, но и при отдельных трудовых процессах. Еженедельно вечером с четверга на пятницу в мастерских — «дуканах» — производится генеральная уборка, зажигается огонь в честь духов умерших мастеров, а в некоторых случаях происходят специальные сборища мастеров с чтением ремесленных религиозно-цеховых уставов — «рисоля».

Рисоля в значительной степени утратило свое былое значение. Не каждый мастер имеет его в настоящее время. Это объясняется тем, что печатные издания истощились, а переписка сопряжена с известными трудностями, прежде всего с тем, что мало имеется лиц, знающих арабский алфавит. Чаще практикуется устная передача содержания рисоля.

Насколько живучи ремесленные обряды, свидетельствует тот факт, что некоторые новые в условиях Хорезмской области специальности, как, например, ковроткачество (Хива, Ханки), получили своего покровителя — пира, и здесь соблюдается тот же ритуал. Совсем курьезно выглядят подобные подражания у таких работников, как, например, шоферы. Здесь также появился свой пир — Хазрет Дауд (по аналогии с кузнецами) и происходят обряды посвящения, причем посвящаемому, по обычаю, вручается какой-нибудь инструмент, чаще всего — гаечный ключ¹⁷.

О живучести профессиональной обрядности говорит и тот факт, что обряды посвящения, существовавшие ранее среди каючников — водителей аму-дарьинских судов и лодок (профессия, в значительной степени ушедшая в область прошлого), перенесены сейчас в среду работников речного пароходства; благословение — «потия» (от «фотыха» — разрешительная молитва) молодым матросам дают старые «дарга» — бывшие капитаны прежних судов, в большинстве своем ушедшие на покой или работающие на аму-дарьинских пристанях¹⁸.

Объяснение живучести религиозных традиций в этой среде, нам кажется, следует искать в пережиточных явлениях социального порядка, в первую очередь в том, что возникшие на месте старых цехов кустарно-промысловые объединения в известной степени восприняли элементы былых взаимоотношений между отдельными категориями работников и в связи с этим некоторую цеховую замкнутость. К такому выводу приходишь в результате бесед с мастерами и представителями молодого поколения — учениками разных специальностей. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ученик в значительной степени находится в зависимости от мастера-учителя как в отношении сроков обучения, заданий, которые ему приходится выполнять, так, как это ни странно, и материально.

В некоторых случаях (например, у деревообделочников г. Ханки), как это выяснилось из бесед с учениками, при расчете по подрядам, взятым мастером и выполняемых им совместно с учениками, существует бесконтрольность в оплате их труда, предоставленной в значительной степени на усмотрение мастера.

Некоторые факты свидетельствуют о большем. Так, ученик кузнеца (Хивинский район) сообщил, что до посвящения он, как и другие ученики, часть своего заработка от побочных индивидуальных заказов отдает своему мастеру-учителю¹⁹. В ряде случаев (у медников г. Ханки, парикмахеров г. Хивы) удалось установить, что и сейчас, как в старину, практикуется проживание учеников в семье мастера; на обязанности последнего лежит питание ученика (одеждой его снабжают родители); ученики выполняют домашнюю работу в семье мастера.

Если даже указанные явления не имеют сейчас массового характера,

¹⁷ Полевые записи, 1955, № 90, 91.

¹⁸ Полевая запись, 1955, № 177.

¹⁹ Полевая запись, 1954, № 125.

то наличие элементов старых взаимоотношений между учениками и мастерами, некоторой зависимости первых от вторых, оспаривать не приходится.

Совершенно очевидно, что это создает благоприятную почву для передачи из одного поколения в другое старых традиций, религиозных представлений и обрядов. Старые навыки труда, орудия ремесленного производства, мало подвергшиеся усовершенствованию, даже оставшийся от прошлого принцип расселения ремесленников определенными кварталами — все это способствует замкнутости их жизни и тормозит проникновение положительного воздействия нашей действительности.

* * *

Причины сохранения религиозных пережитков у узбеков Хорезма не ограничиваются изложенными выше. Чем шире будет охвачена исследованиями территория Узбекистана и Средней Азии в целом, чем дифференцированное будет подходить к различным категориям населения, тем более разнообразные по своему содержанию и значимости причины бытования религиозных пережитков будут выявлены исследователями. Установив их, исследователь обязан сделать практические выводы, мобилизовав внимание общественности на борьбу за их искоренение.

Некоторые выводы сами собой напрашиваются уже после нашего предварительного исследования. Необходимо создать непримиримое отношение местной общественности к пережиткам старого семейного быта, патриархально-феодального отношения к женщине, разрушить замкнутость женского быта. Пропаганда в этом деле должна проникнуть в семью и, что особенно важно, максимально охватить мужскую часть населения, а не только женщин, как это практикуется сейчас.

Содержание научно-атеистической пропаганды в Средней Азии должно быть значительно расширено; весь тот огромный комплекс доисламских верований, который выпадал до сих пор из поля зрения работающих в этой области, должен найти свое отражение в их работе.

Практические меры не должны сводиться лишь к количественным и качественным изменениям в культурно-воспитательной работе. Возможен ряд специальных организационных мероприятий, которые помогли бы перестройке быта, в частности, в колхозах. Создание новых поселков, особенно в колхозах Хорезма, сыграет свою положительную роль в преодолении пережитков общинных порядков. Необходимо значительно расширить медицинское обслуживание колхозников и укрепить сеть медицинских пунктов такими работниками, на которых можно было бы опереться в борьбе против всякого рода пережитков.

Особое внимание следует обратить на наблюдающуюся еще религиозность некоторой части молодежи. Школьные программы должны быть пересмотрены под углом зрения большей атеистической направленности преподавания. Чтобы изолировать колхозную молодежь от религиозных влияний, надо заполнить ее досуг путем проведения подлинно культурных мероприятий, недостаток которых заставляет молодежь довольствоваться развлечениями на «тоях» и «зиафатах». Огромная ответственность в этом вопросе ложится на комсомольские организации и на школу.

В городах необходимо пересмотреть всю систему подготовки кадров в кустарно-промысловых объединениях, обратив особое внимание на условия труда и быта учеников.

Мы не предприняем всех тех практических мероприятий, которые необходимо осуществить, исходя из актуальности поставленного вопроса. Это — дело широкой советской общественности. Дальнейшей задачей этнографов должно быть расширение научных исследований в данной области, выявление более глубоких причин религиозности и раскрытие внутренних закономерностей роста атеизма среди населения.